

ОТ ПАМЯТИ К ЗАБВЕНИЮ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ СНОВИДЧЕСКОГО НАРРАТИВА НА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ФОРУМАХ

© Лилия Усманова

FROM MEMORY TO OBLIVION: LINGUISTIC MARKERS OF A DREAMLIKE NARRATIVE ON RUSSIAN-LANGUAGE FORUMS

Liliya Usmanova

The article proposes a linguistic model of a dream narrative as a propositional network and a practical marking scheme aimed at identifying and systematically describing the opposition “I remember – I don’t remember” in online discourse. The relevance of the study is determined by the rapid growth of specialized Internet platforms for sharing dream experiences: In the context of collective interpretation, individual dreams cease to be private experiences and are transformed into socially significant texts, which raises the task of developing methods for analyzing the cognitive-pragmatic mechanisms of memory and oblivion in these narratives. The aim of the work is to develop and test a model of a propositional network for describing dream narratives and to propose a working marking procedure that allows the poles of “memory/oblivion” to be reproducibly recorded in a corpus of forum texts. The following tasks are solved within the framework of our goal: 1) to form and describe a corpus of forum dream narratives; 2) to identify and annotate propositional units and their corresponding frames, in particular “memory” and “oblivion”; 3) to analyze the semantic-pragmatic functions of the opposition “I remember – I don’t remember” as a selective, epistemic, and communicative mechanism; 4) to develop recommendations for the marking and interpretation of dream texts for further use in linguistics, psychology, and cultural studies.

The novelty of the study is the integration of the propositional approach with frame semantics and research on computer-mediated communication as applied to dream discourse: first, an operational procedure is introduced for identifying propositional units and comparing them with the frames of “memory” and “oblivion”; second, the role of epistemic markers and temporal-spatial anchors in the reconstruction of semantic coherence is formalized; third, a practical text markup is proposed that is suitable for subsequent corpus processing and interdisciplinary use. Methodologically, the study is based on corpus and qualitative discursive analysis of authentic messages from Russian forums about dreams (including Tonkimir.ru, Somn.ru, etc.): The identification of propositional units, the categorization of frames, the identification of temporal and spatial markers, the fixation of epistemic and affective means, as well as the analysis of the authors’ pragmatic strategies (persuasion, invitation to interpretation, pragmatic fixation of authenticity).

Keywords: dream narrative, propositional network, “I remember–I don’t remember” opposition, frame semantics, epistemic modality

В статье предлагается лингвистическая модель сновидческого нарратива как пропозициональной сети и практическая схема разметки, направленные на выявление и системное описание оппозиции «помню – не помню» в онлайн-дискурсе. Актуальность исследования определяется быстрым ростом специализированных интернет-площадок для обмена сновидческим опытом: в условиях коллективной интерпретации индивидуальные сны перестают быть приватными переживаниями и трансформируются в общественно значимые тексты, что ставит задачу разработки методов для анализа когнитивно-прагматических механизмов памяти и забвения в таких нарративах. Цель работы – разработать и апробировать модель пропозициональной сети для описания сновидческого нарратива и предложить рабочую процедуру разметки, позволяющую воспроизводимо фиксировать полюса «память / забвение» в корпусе форумных текстов. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: 1) сформировать и описать корпус форумных сновидческих нарративов; 2) выделить и аннотировать пропозициональные единицы и соответствующие им фреймы, в частности «памяти» и «забвения»; 3) проанализировать семантико-прагматические функции оппозиции «помню – не помню» как селективного, эпистемического и коммуникативного механизма.

Новизна исследования состоит в интеграции пропозиционального подхода с фреймовой семантикой и исследованиями компьютерно-опосредованного общения применительно к сновидческому дискурсу: во-первых, вводится операциональная процедура выделения пропозициональных единиц и сопоставления их с фреймами «памяти» и «забвения»; во-вторых, формализуется роль эпистемических маркеров и временно-пространственных якорей в реконструкции смысловой связности; в-третьих, предложена практическая разметка текстов, пригодная для последующей корпусной обработки и междисциплинарного использования. Методологически исследование опирается на корпусный и качественный дискурсивный анализ аутентичных сообщений российских форумов о сновидениях (включая Tonkimir.ru, Somn.ru и др.): выделение пропозициональных единиц, категоризация фреймов, идентификация временных и пространственных маркеров, фиксация эпистемических и аффективных средств, а также анализ прагматических стратегий авторов (убеждение, приглашение к интерпретации, прагматическая фиксация достоверности).

Ключевые слова: сновидческий нарратив, пропозициональная сеть, оппозиция «помню – не помню», фреймовая семантика, эпистемическая модальность

Для цитирования: Усманова Л. От памяти к забвению: лингвистические маркеры сновидческого нарратива на русскоязычных форумах // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 77–82. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-77-82

Язык сновидений – уникальный когнитивный феномен, в котором конвергируют процессы обработки информации, эмоциональной регуляции и символической интерпретации пережитого. Сновидение как вербальная репрезентация внутреннего опыта выступает в роли «метаязыка» между сознательным и бессознательным: оно раскрывает те цепочки означающих, которыми, по Ж. Лакану, структурировано бессознательное. Лакановская формула «бессознательное структурировано как язык» подчеркивает, что значение означающего не фиксируется априори, а возникает в цепи взаимосвязанных элементов: смысл слова определяется его позицией в цепи и трансформируется каждым последующим означающим. Механизмы конденсации (сгущение означающих) и смещения (подмена по смежности) объясняют характерные для сновидений явления – наложение образов, внезапные метафорические сдвиги и путаницу объектов желания – и позволяют рассматривать субъектность как эффект сетевых сцеплений означающих [1], [2].

Становится очевидно, что лакановская «сетка» требует сопряжения с подходами, концентрирующимися на содержательном наполнении сновидений. Юнгианская аналитическая психология выдвигает в центр внимания повторяющиеся образы, мифологемы и архетипы, через которые проявляется коллективное бессознательное; юнгианская перспектива показывает, каким семантическим «тоном» насыщаются лакановские цепочки. Фрейдова теория «работы сновидения» дополнительно объясняет механизмы превращения бессознательных мыслей в явное содержание: операции конденсации, смещения и вторичной редакции объединяют множество скрытых мыслей в один сновидческий образ, при этом цензура и защита эго вызывают иска-

жения, приводящие к символизации и мифологизации [3], [4]. Когнитивно-информационный подход переводит эти психодинамические описания в язык процессов: отбор, сжатие, кодификация и консолидация эмоционально значимых репрезентаций – функции, которые обеспечивают обработку и интеграцию впечатлений в системе памяти.

Опираясь на вышеизложенное, сновидение следует рассматривать не как беспорядочный набор картинок, а как сложный организованный механизм – результат селекции и систематизации представлений. Языковая реализация сна фиксирует результаты этих операций в виде связных высказываний, временных последовательностей, метафорических наслоений и разрывов памяти. Для адекватного описания такой организации необходим инструмент, способный одновременно регистрировать единицы смысла, типы отношений между ними (темпоральные, каузальные, кореференциальные, метафорические) и динамику их трансформаций; таким инструментом является модель пропозициональной сети.

В психолингвистических моделях пропозиция понимается как минимальная единица смысла, которую можно выделить в отдельное высказывание; набор пропозиций, связанных отношениями различного типа, образует сеть, моделирующую долговременную память и структуру нарративного текста. Каждый узел сети репрезентирует концепт, к которому «подсоединены» связанные сведения; поиск информации осуществляется через индексирование по концепту. Параллельно фреймовая семантика (Ч. Филмор) трактует элементы нарратива – персонажей, действия, места – как компоненты фрейма, то есть когнитивной схемы ситуации: сеть фреймов образует иерархически организованную картину,

где каждый фрейм моделирует конкретный инцидент или сценарий [5]. Сочетание пропозициональной и фреймовой перспектив позволяет описать, как лексические выборы и грамматические модели отображают содержание соответствующих когнитивных узлов: антропонимы активируют фрейм «персонаж», глаголы действия – фрейм «деятельность / аффект», пространственные маркеры – фрейм «место» и т. д. Сопоставление таких узлов с эмоциональным фоном и предшествующим опытом дает представление о глубинной организации сновидческого текста [6], [7].

Практическая реализуемость этих идей особенно наглядна в текстах сетевых сообществ, посвященных снам (форумы «Тонкий мир», «Мир снов», somn.ru, lupa.ru и др.). Форумы функционируют как поле для вербализации сновидческого опыта: пользователи публикуют рассказы о снах, а сообщество (включая любителей и специалистов) вступает в интерпретативную деятельность. Каждый пост аналитически разбивается на пропозициональные единицы, которые активируют соответствующие фреймы – «память», «место», «действие», «аффект», «социальная ситуация» и т. п. При этом происходят две взаимосвязанные операции: рассказчик конструирует локальные синтагмы, заполняя фреймы деталями, а сообщество ремоделирует сеть пропозиций через комментарии, вопросы и гипотезы, перераспределяя значимость узлов, предлагая парадигматические замены и активируя дополнительные фреймы (религиозный, мифологический, терапевтический).

Коллективная реконструкция выполняет функцию семантической реставрации: разрывы синтагмы (многоочия, выражения типа *не помню*, эпистемические вводные) воспринимаются как пробелы, которые участники пытаются заполнить архетипическими или метафорическими подстановками. Форумный нарратив зачастую делится на два полюса: фрейм памяти (детализированные, эмоционально заряженные элементы) и фрейм забвения (неопределенность, эпистемическая модальность). Пользователи сначала перечисляют то, что «помнят» (с эпитетами *четко помню*, *в деталях*), а затем фиксируют «где заплутали» (*не помню*, *вроде бы*), что структурно задает динамику повествования: важные, аффективно значимые элементы получают развернутую дескрипцию, а пробелы маркируются модальностями сомнения или гипотезы.

Эти прагматические стратегии – вербализация эпистемической уверенности и приглашение к совместной интерпретации (*помогите расшифровать сон; буду благодарна вашей трак-*

товке; помогите понять сон и т. д.) – являются важной частью коммуникативной функции форума: сновидение становится публичным текстом, одновременно отчетом и запросом.

Лингвистическая специфика форумных текстов проявляется и в жанровой адаптации: преобладают повествования в 1-м лице, фрагментарный стиль, эллипсис, использование паралингвистических средств (многоочия, смайлики: *<...> в общем, странная картина... потом ему надо было куда-то бежать и он отдал мне свою банковскую карту: «вот, забирай» ... и убежал... [8]*, а также «семантико-прагматическое растяжение», когда авторы ведут диалог с собой и читателем, стремясь убедить в достоверности и значимости описываемого. Например: *Подскажите, пожалуйста по моим снам...<...> Первый сон был про то, что у меня есть собака, немецкая овчарка, помню, что даже звала ее во сне Мухтаром, собака была красивая, здоровая, добрая, во сне вроде как одна тетка обидела моего ребенка, и я позвала собаку, чтобы пес ее напугал, причем во сне я четко помню, что знала, что собака у меня добрая и что она этой тетке ничего плохого не сделает, а именно просто напугает <...>» [9]* (здесь и далее орфография и пунктуация автора поста сохранены – Л. У.). Данный фрагмент является иллюстрацией типичной структуры форумного сновидческого нарратива: сеть пропозиций, центрированная вокруг эмфатического узла «собака / защитник», и двух измерений – детализации, опирающейся на эпистемические маркеры *помню*, *четко помню*, и неопределенности (*вроде как*). Прагматически текст одновременно утверждает достоверность переживания и приглашает к коллективной реконструкции (*Подскажите по моим снам*), а активированные фреймы (семья, защита, мораль) обеспечивают культурно ожидаемую интерпретационную базу для дальнейшего обсуждения в сообществе.

Немаловажно, что в структуре нарратива особую роль играют временные и пространственные маркеры: первые локализуют события относительно биографического опыта (*сегодня, вчера, сначала, потом* и т. п.), вторые задают «психогеографию» сна (*комната, улица, берег, лестница* и т. п.). Пространственные маркеры не нейтральны: они служат опорными точками для построения ментальной карты сна и одновременно репрезентируют эмоциональные состояния: закрытые пространства часто символизируют тревогу и замкнутость, открытые – свободу и переход; пороги (*дверь, мост, лестница* и т. п.) активируют фрейм трансформации. Анализ маркеров помогает реконструировать нарративную

динамику и выявить глубинные когнитивно-эмоциональные структуры, организующие внутренний опыт.

Ключевой дискретностью сновидческого нарратива являются синтагматические разрывы – внезапные нарушения последовательности, которые проявляются как семантическая аномалия (неожиданное событие, «сброс» логики) и как сильный аффективный отклик рассказчика. На примере типичного сна (лавка, куклы-обереги, кошка, акт «платы», воскресение) видно, как поверхность синтагмы – ряд визуальных кадров – сопровождается глубинными фреймами: «символический обмен», «магическая защита», «тотемная кошка», «жертва и возрождение»: <...> *Я в какой-то лавочке, очень маленькой, деревянной, посреди залитой солнцем пустыни <...> Моя кошка сидит рядом с моими ногами. <...> небольшой деревянный прилавок, за ним молодая девушка, похожая по одежде на цыганку. На стене рядом и напротив прилавка висят куклы... <...> И девушка говорит что-то вроде «выбирай себе оберег». <...> Ну и выбрала себе куколку одну... вся радостная такая... Ну мы идем с кошкой к выходу, поворачиваем за левый угол и оказываемся в другой части магазина. <...> Тут открывается дверь внутренняя и выходит женщина, явно мать той, что за прилавком. Приветливая, берет кошку на руки, почесывает ее, причем никакой тревоги ни я, ни Улька не испытываем. Потом неожиданно в пасть кошке сует какую-то палочку, кладет ее на столик рядом, и Улька начинает умирать. <...> Я начинаю что-то кричать, теребить ее, но она уже обмякла на руках, а женщина смотрит отстранено и, кажется, сочувствующе, и говорит, что это плата. Я что-то говорила, плакала, уже не помню что точно сказала, но в итоге женщина что-то сделала и Улька очнулась, все закончилось. А у меня забрала куклу из рук и сказала, что мне такая защита не нужна... моя кошка и так меня защитит от всего, что только может случиться [9].*

Пауза или катастрофа (момент «смерти» кошки) выступает точкой разрыва, после которой сновидец в процессе пересказа «сшивает» разорванную синтагму, вводя причинные и временные связи, эпистемические маркеры и интерпретативные комментарии. Этот процесс восстановления не возвращает исходной наивной непрерывности, но формирует новый уровень смысла: разрыв становится генератором символизации, а последующая реконструкция превращает хаотический фрагмент в осмысленный сюжет

с моральной или терапевтической выигрышной позицией.

Как можем убедиться, синтагматические разрывы – не дефект, а механизм смыслообразования: бессознательное не стремится к линейной когерентности, оно продуцирует ассоциативные переходы, и смысл возникает в акте реконструкции. Рассказчик в процессе вербализации выступает интерпретатором: он «упорядочивает», маркирует достоверность (*помню, четко помню*), обозначает неопределенность (*кажется, вроде бы*) и тем самым участвует в производстве значения.

В итоге, сновидческий нарратив можно определить как динамический баланс между «осью запоминания» и «осью забвения». Интенсивно запомнившиеся образы фиксируются через лексические маркеры памяти (глаголы *помнить*, описательные прилагательные, наречия степени), а забытые фрагменты маркируются эпистемическими и неопределенными конструкциями. Такая архитектура соответствует эмпирическим наблюдениям: сновидения часто состоят из выборочных воспоминаний, связанных попыткой консолидации значимых переживаний в целостную психическую «модель».

Более детально это можно представить в виде ментальной модели, где в центре памяти сна находится фрейм «память»: ядро, выраженное через глаголы памяти и связанные слова. К числу основных семантических маркеров фрейма памяти можно отнести:

- глаголы памяти и восприятия: *помнить, вспомнить, запомнить, помнится, видеть, слышать, чувствовать, ощущать* (нередко подкрепленные наречиями *четко, отчетливо, в деталях, ясно* и др.);

- ментальные глаголы: *знать, думать, понимать* (например, *я знала, что собака добрая*);

- адъективы и причастия: *здоровая, добрая, красивая* и т. п. – описывают качества персонажей или действий во сне.

Эти лексические единицы консолидируются в «ядро фрейма памяти»: они подчеркивают, что рассказчик целенаправленно хранит образы сна. Например, фраза *я помню четко, что собака добрая и здоровая* многократно встречается и показывает, что сюжет строится вокруг осознанных воспоминаний. Такие элементы действуют как «активаторы» доступа к образам сна: они словно открывают каналы, через которые триггерится соответствующий опыт в памяти.

Наряду с осознанием, в нарративе включается фрейм «забвения», отражающий трудности восстановления фрагментов сна. Забвение narra-

тивно кодируется с помощью широкого набора языковых приемов:

- ретроспективные глаголы: *забыл, не помню, не запомнил, вспомнить не могу, не удалось вспомнить* и т. п. Они сигнализируют о переходе в состояние «не помню», отчуждая элемент сна от восприятия (эффект утраты позиции наблюдателя). Например, фраза *я не помню уже, что там было...* подчеркивает нерепрезентативность прошлой сцены. Как отмечается в когнитивно-семантических исследованиях, *не помнить* в конечном счете означает невозможность вновь увидеть образ внутренним зрением [10, с. 25];

- неопределенные местоимения и наречия: *какой-нибудь, кто-то, что-то, кое-где, некогда, однажды*;

- прилагательные и причастия с семантикой неопределенности: *неопределенный, неясный, смутный, тусклый, странный, бессвязный*;

- эпистемические модусы и вводные слова: *наверное, должно быть, может быть, вроде бы, кажется, чем-то, каждый раз* и др.;

- неопределенно-личные и безличные конструкции (*кажется, спало утро; не спится; чего-то не помнится*), говорящие о субъективном восприятии без четко представленного подлежащего.

В совокупности такие индикаторы создают атмосферу семантической неопределенности, позволяя выразить тонкие смысловые оттенки. Как замечает Е. Падучева, именно в русском языке эти средства образуют «разветвленную систему, позволяющую просто выражать тонкие смысловые различия» [11].

Семантическая неопределенность является доминантой русского языкового сознания при рассказе о сновидениях: она придает высказыванию гибкость и указывает на ирреальность ситуации. Такой «модус сомнительности» показывает, что повествователь ставит себя вне строгой оппозиции «истина / ложь», описывая «возможный» мир сна [Там же, с. 2]. Через эту призму любое сновидение оказывается насыщено семантикой множественности, спонтанности, амбивалентности.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно заключить:

1. Сбор и описательная характеристика корпусного массива форумных нарративов показали, что тексты пользователей образуют репрезентативную «полевую» выборку для лингвистического анализа сновидений: они регулярно организованы в виде последовательностей пропозиций, типичных фреймов (память, место, действие, аффект, социальная ситуация) и языковых маркеров, фиксирующих как детализацию, так и

пробелы воспоминания. Корпус выявил устойчивые жанровые и прагматические особенности (1-лицо, фрагментарность, эллипсис, паралингвистика), что обосновывает его пригодность для дальнейшей корпусной аннотации и сравнительных исследований.

2. Предложенная операциональная процедура выделения пропозициональных единиц и сопоставления их с когнитивными фреймами оказалась работоспособной: она позволяет детализировать узлы нарратива (пропозиции) и их роль в структуре сна, различать ядро фрейма «памяти» и элементы фрейма «забвения», а также фиксировать ключевые лексико-грамматические и эпистемические маркеры. Аннотируемая схема обеспечивает воспроизводимость разметки и служит надёжной основой для автоматизированной корпусной обработки и построения графов пропозициональных связей.

3. Анализ показал: оппозиция *помню – не помню* выполняет одновременно селективную (отбор содержания), эпистемическую (маркировка уверенности / сомнения) и коммуникативно-прагматическую (мобилизация коллективной реконструкции, приглашение к интерпретации) функции; синтагматические разрывы выступают генераторами символизации, а коллективное обсуждение – механизмом парадигматического заполнения пробелов.

Лингвистический анализ сновидений в терминах пропозициональных сетей и фреймов демонстрирует, что «язык сновидений» – не хаотическая совокупность картин, а упорядоченная сеть когнитивных и эмоциональных связей. Синтаксические и лексические конструкции, эпистемические маркеры и пространственно-временные ориентиры выступают маркерами взаимодействия сознательного и бессознательного, связывая сновидение с процессами памяти, внимания и эмоциональной переработки наяву. Моделирование нарратива как сети узлов и связей расширяет инструментарий для интерпретации снов: оно позволяет реконструировать ключевые узлы смысловой структуры, отслеживать трансформации значения и оценивать роль коллективной интерпретации в реконструкции бессознательного содержания.

Список источников

1. Лакан Ж.-Л. Функция и поле речи и языка в психоанализе. Пер. с фр. / Перевод А. К. Черноглазова. М.: Изд-во «Гнозис», 1995. 192 с.
2. Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. Пер. с фр. / Перевод А. К. Черноглазова, М. А. Титовой. М.: «Русское феноменологическое общество», Изд-во «Логос», 1997. 184 с.

3. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 317 с.
4. Фрейд З. Толкование сновидений. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 620 с.
5. Fillmore C. Frame Semantics // *Linguistics in the Morning Calm. Selected Papers from SICOL-1981*. Hanshing Publishing Company. Seoul, Korea. Pp. 111–137.
6. Авакумов С. В. Современная концепция сновидения // PSY.media. Журнал о психологии и психоанализе. URL: <https://psy.media/sovremennaya-koncepciya-snovideniya/> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Anderson J. R., Bower G. H. *Human Associative Memory*. New York: Psychology Press. 1974. 538 p.
8. Тонкий мир. URL: <https://tonkimir.ru> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Сомнамбулятор: сны, толкования, сновидцы, разное. URL: <http://www.somn.ru/dreams/2006/october/7/smith/fiction/dream-70578-pochti-kak-v-kompyuteroy-igre.html> (дата обращения: 19.10.2025).
10. Берестнев Г. И. Лингвистика и толкование сновидений у К. Г. Юнга: открытие метода // Слово.ру: Балтийский акцент. 2015. С. 21–31.
11. Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира. Лексикограф. 1996. Available at: URL: https://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf (дата обращения: 20.03.2025).
- fenomenologicheskoe obshchestvo”, izd-vo “Logos”. (In Russian)
3. Yung, K. G. (1994). *Psikhologiya bes-soznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. 317 p. Moscow, Canon. (In Russian)
4. Freid, Z. (2001). *Tolkovanie snovidenii* [Interpretation of Dreams]. Moscow, 620 p. EKSMO-Press; Kharkov, Folio. (In Russian)
5. Fillmore, C. (1981). *Frame Semantics*. *Linguistics in the Morning Calm. Selected Papers from SICOL-1981*. Hanshing Publishing Company. Pp. 111–137. Seoul, Korea. (In English)
6. Avakumov, S. V. *Sovremennaya kontseptsiya snovideniya* [Modern Concept of Dreaming]. PSY.media. Zhurnal o psikhologii i psikhoanalize. URL: <https://psy.media/sovremennaya-koncepciya-snovideniya/> (accessed: 10.10.2025). (In Russian)
7. Anderson, J. R., Bower, G. H. (1974). *Human Associative Memory*. 538 p. New York, Psychology Press. (In English)
8. *Tonkii mir* [The Subtle World]. URL: <https://tonkimir.ru> (accessed: 20.10.2025). (In Russian)
9. *Somnambulyator: sny, tolkovaniya, snovidtsy, raznoe* [Sleepwalker: Dreams, Interpretations, Dreamers, Miscellaneous]. URL: <http://www.somn.ru/dreams/2006/october/7/smith/fiction/dream-70578-pochti-kak-v-kompyuteroy-igre.html> (accessed: 19.10.2025). (In Russian)
10. Berestnev, G. I. (2015). *Lingvistika i tolkovanie snovidenii u K. G. Yunga: otkrytie metoda* [Linguistics and Interpretation of Dreams in K. G. Jung: Discovery of the Method]. Pp. 21–31. Slovo.ru: Baltiiskii aktsent. (In Russian)
11. Paducheva, E. V. (1996). *Neopredelennost' kak semanticheskaya dominanta russkoi yazykovoi kartiny mira* [Uncertainty as a Semantic Dominant of the Russian Linguistic Picture of the World. Lexicographer]. URL: https://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf (accessed: 20.03.2025). (In Russian)

References

The article was submitted on 28.10.2025
Поступила в редакцию 28.10.2025

Усманова Лилия Абраровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
usmanova77@rambler.ru

Usmanova Liliya Abrarovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
usmanova77@rambler.ru